

ПОЛИТОЛОГИЯ: СТРАТЕГИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

DOI: 10.19181/vis.2019.29.2.578

«Мягкая сила» Китая и её проекция на пространство постсоветской Евразии

Ссылка для цитирования: Андреев И. А. «Мягкая сила» Китая и её проекция на пространство постсоветской Евразии // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 2. С. 90–106. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.578>

For citation: Andreev, I. A. China's "soft power" and its projection onto the territory of post-Soviet Eurasia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 90–106. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.578>



**Андреев
Иван Андреевич**

Национальный исследовательский университет
«МЭИ»,
Москва, Россия

v-andreev_07@mail.ru

«Мягкая сила» Китая и её проекция на пространство постсоветской Евразии

Аннотация. В статье рассматривается использование «мягкой силы» как инструмента политической стратегии КНР. В контексте проблемы сочетания форм международного политического влияния государств раскрывается содержание концепции «мягкой силы» в интерпретации её автора, американского политолога Дж. Ная, анализируется адаптация данной концепции к политической стратегии Пекина, обусловленной возвышением КНР до статуса мировой державы № 2. Отмечается созвучность данной концепции с многовековой политической традицией Китая и вместе с тем с актуальной для Пекина задачей снять традиционные опасения соседей по поводу возможной угрозы с его стороны, обусловленной как самой величиной страны с огромным, почти полутора миллиардным населением, так и сравнительно недавними примерами её агрессивности во времена маоизма. В статье даётся характеристика основных инструментов осуществления китайской стратегии «мягких» влияний, в частности – расширение сети институтов и классов Конфуция, использование возможностей страны-хозяйки резонансных международных мероприятий, обучение в учебных заведениях КНР, установление китайского контроля над некоторыми глобальными медиакомпаниями и др. Особое внимание уделено использованию «мягкой силы» в отношениях Китая с постсоветскими государствами – в первую очередь Россией и республиками Центральной Азии. Показаны особенности политического контекста использования Пекином «мягкой силы» на постсоветском пространстве, среди которых отмечаются как довольно сильное предубеждение против Китая в странах Центральной Азии, так и необходимость укрепления дружественных отношений с Российской Федерацией, которая обладает сопоставимым с КНР ресурсом «мягкой силы» и вместе с тем претендует на ведущую роль на постсоветском пространстве. Исходя из проведённого анализа, автор делает вывод, что методами «мягкой силы» удалось создать для российско-китайского стратегического партнёрства солидный фундамент общественной поддержки. Во многом благодаря этому в последнее десятилетие постоянно возрастал уровень взаимного доверия, что помогло, с одной стороны, приглушить беспокойство россиян по поводу миграции китайцев в районы Дальнего Востока и Сибири, а с другой – без каких-либо эксцессов ослабить некоторые завязавшиеся в прошлом болезненные узлы российско-китайских отношений.

Ключевые слова: политическое влияние, политическое доверие, «мягкая сила», постсоветское пространство, российско-китайские отношения

Как указывал ещё Н. Макиавелли, стремление государства стать сильнее надо рассматривать как своего рода естественную закономерность. Долгое время самым эффективным средством воздействия, побуж-

дающим его действовать в интересах других государств или, по крайней мере, согласованно с этими интересами, было применение вооружённой силы (или угроза такого применения). К сожалению, угрозы такого рода по-прежнему остаются актуальными. Однако трагический опыт двух мировых войн и создание ядерного оружия, способного уничтожить не только отдельные страны, но и всю человеческую цивилизацию в целом, стимулировали создание новой мировой системы, в которой важным регулятором международных отношений, имеющим миротворческие полномочия, являются авторитетные международные организации – прежде всего ООН. В связи с этим возросло значение международного права, а также различных органов, структур, обеспечивающих режимы коллективной безопасности. Кроме того, окончательная «победа» в классическом смысле слова в современных войнах технически очень затруднена или, чаще всего, вообще невозможна, поскольку цена этой победы оказывается неприемлемо высокой, а более слабая сторона нередко способна ответить на перспективу поражения и захват части своей территории развёртыванием изнурительной для противника партизанской войны.

Войны как «продолжение политики другими средствами» в этой ситуации нередко становятся чересчур накладными как из-за весьма высокой стоимости военных операций, так и силу того, что они могут вызвать серьёзные осложнения со стороны мирового сообщества. Само по себе это, конечно, не может предотвратить эскалации политических противоречий до того уровня, когда дело доходит до угрозы оружием и/или его применения. Тем не менее в современных условиях формы вооружённых столкновений несколько видоизменились: ныне они обычно представляют собой локальные акции, достаточно ограниченные по времени и целям, а основной задачей военных становится «проецирование военной мощи» и сдерживание. Трудно избавиться от впечатления, что при всём неоспоримом значении вооружённых сил их функции сужаются, и они постепенно превращаются в «фактор второй линии», актуально используемый лишь время от времени, но самим своим наличием он подкрепляет и обеспечивает действие некоторого другого, не имеющего непосредственного материального выражения «фактора X», использование которого практически не создаёт рисков и к тому же обходится несравненно дешевле, чем содержание и использование вооружённых сил.

С окончанием так называемой «холодной войны», разделившей человечество идеологическими границами на два противостоящих друг другу вооружённых лагеря, перегруппировка факторов влияния в мировой политике стала проявляться настолько отчётливо, что возникла потребность в выделении этого «фактора X» в качестве особого предмета исследования. У него появляется и собственное терминологическое обозначение – «мягкая сила», введённое в 1990-х гг. одним из основоположников неолиберального подхода к теории международных отношений американским политологом Дж. Наем. «Мягкая сила», в противовес «жёсткой» силе оружия или экономического принуждения (за которым также в большинстве случаев стоит вооружённая угроза), определя-

ется в его работах как способность «получить то, что вы хотите получить, через привлечение, а не через подавление или некие «проплаты» [Най 2006].

В 1990–2000-е гг. концепция «мягкой силы» попала в поле зрения китайской политической мысли. Китайские авторы нашли её созвучной традициям китайской политической культуры, со времён Сунь Цзы особо ценившей такие победы, которые удавалось достичь, не вступая в прямое столкновение с противником. Кроме того, данная концепция как нельзя лучше отвечала принятой китайским руководством новой тактике продвигать свои интересы постепенно, исподволь, избегая слишком грубого нажима, который мог бы напугать партнёров, заведомо находящихся в совсем иной «весовой категории», чем пугающая своим громадным масштабом могучая держава с почти полутора миллиардами населения и более чем трёхмиллионной (в то время) армией. По этой причине понятие «мягкая сила» было очень быстро подхвачено не только академическими специалистами в области теории международных отношений, но и влиятельными политическими деятелями, в том числе входящими в высшее руководство страны. С начала 2000-х гг. популяризация концепции «мягкой силы» также активно ведётся в китайском сегменте интернета, что указывает на стремление расширить сферу её использования и ввести её в массовую политическую культуру в качестве значимого элемента того языка, на котором власть говорит с обществом о национальных целях и задачах.

Проблема «мягкой силы» применительно к политике КНР была впервые сформулирована на высшем уровне в ноябре 2006 г. в выступлении тогдашнего лидера КПК и Председателя КНР Ху Цзиньтао на 8-й Всекитайской конференции представителей литературы и искусства. Через год эти установки вошли в доклад Ху Цзиньтао XVII съезду КПК (октябрь 2007), где они впервые получили специфически китайскую интерпретацию в рамках концепции строительства социализма с китайской спецификой. Как в дальнейшем разъяснялось в публикациях авторитетных китайских аналитиков и экспертов, ставка китайского руководства на использование «мягкой силы» отражала стремление КНР выступать в качестве выразительницы интересов всего глобального мира, играя ведущую и направляющую роль в гармонизации всей системы международных отношений.

Конечно, эти идеологические установки нельзя назвать революционными. В определённом смысле их можно рассматривать как продолжение и в то же время модификацию взглядов Мао Цзедуня и Дэн Сяопина, которые, несмотря на различие в подходах к стратегии строительства социализма, в равной степени китаизировали марксизм, отдавая при этом дань ханьскому национализму и традиционному китаецентризму – распространённому среди китайцев убеждению в том, что Поднебесная обладает неким внутренним превосходством над всеми остальными государствами и цивилизациями. Китайское руководство и раньше придавало важное значение популяризации китайского языка

и культуры, а также созданию позитивного имиджа Китая в мире. Например, ещё в 1984 г. в структуре Министерства образования КНР была создана Государственная канцелярия по распространению китайского языка за рубежом (сокращённо Ханьбань). Но теперь это направление получило статус стратегического, а вся работа по нему приобрела ярко выраженный системный характер. В начале 2000-х гг. под эгидой Ханьбань по всему миру стала создаваться сеть институтов, школ и классов Конфуция, представляющих собой культурно-образовательные центры, в которых граждане любой страны могут изучать китайский язык и углублять свои познания о Китае (например, изучать китайскую медицину, каллиграфию, порядок проведения чайной церемонии и др.). Преподавание и вся деятельность этих китайских центров направлены на развитие разностороннего сотрудничества с КНР. Первый Институт Конфуция был открыт в июне 2004 г. в Узбекистане, а вскоре после этого и в Сеуле (Республика Корея) [Гао Вэньцзин 2015]. К настоящему времени число Институтов Конфуция по всему миру перевалило за 500, а классов Конфуция – за 1000. Это в несколько раз больше, чем немецкая сеть Институтов Гёте или число культурных центров, которыми располагает Британский совет. Считается, что создание и развитие этой сети институтов является одним из самых значительных глобальных образовательных и культурно-просветительских проектов начала XXI в.

С конца XX в. всё более важным направлением наращивания гуманитарного влияния КНР стало привлечение в китайские вузы иностранных учащихся – студентов, аспирантов и стажёров. Для них выделяется значительное количество стипендий, причём финансирование стипендиальной программы для иностранцев постоянно увеличивается. Китай также очень активно участвует в международных кинофестивалях и музыкальных конкурсах, где китайские кинорежиссёры, артисты и музыканты не раз получали престижные премии; организует выставки, посвящённые китайской культуре и истории, а также нынешним достижениям страны; участвует практически во всех престижных спортивных соревнованиях. Резонансным событием стало проведение в 2008 г. в Пекине XXIX летних Олимпийских игр. Право принять у себя олимпийцев китайская столица завоевала в острой борьбе с такими серьёзными конкурентами, как Париж, Торонто, Стамбул и Осака, причём проведение Игр обошлось китайскому бюджету в рекордную на тот момент сумму – \$44 млрд. Не менее феерическим событием, чем Олимпиада, стало проведение в Шанхае и всемирной выставки ЭКСПО-2010.

Дело, однако, не ограничивается культурой, искусством, наукой, образованием, спортом. КНР работает над созданием образа страны, которая не только сама добивается выдающихся достижений, но и готова прийти на помощь всем в ней нуждающимся, исходя при этом не из каких-то своекорыстных интересов, а из принципов гуманизма. Пекин

оказывает техническое, финансовое и информационное содействие многим странам Азии и Африки, принимает участие в ликвидации последствий стихийных бедствий и миротворческой деятельности.

Естественно, невозможно эффективно использовать «мягкую силу», если не располагать средствами донесения нужной информации до самой широкой аудитории. В этом плане КНР также может записать в свой актив значительные успехи. Центральное информационное агентство КНР Синьхуа и Центральное телевидение Китая (CCNV) в XXI в. превратились в мощные мультимедийные конгломераты, успешно конкурирующие с такими глобальными «фабриками новостей», как CNN и BBC, а также с щедро финансируемым за счёт нефтедолларов Персидского залива арабским каналом Аль-Джазира.

Распад Советского Союза, вызвавший глубокую трансформацию всей архитектуры формирующегося глобального мира, внёс значительные изменения в геополитическое положение КНР, что в сочетании с рядом других факторов существенно повлияло на внешнеполитические стратегии Пекина. Подробный анализ как самих этих изменений, так и контекста, в котором они происходили, выходит далеко за рамки настоящей работы. Отметим лишь два обстоятельства, непосредственно касающихся Российской Федерации и исторически связанных с ней постсоветских государств Евразии.

Во-первых, по мере того, как КНР стала превращаться в мировую державу № 2 и тем самым – объективно – в конкурента США, претендующих на роль мирового гегемона, наметилась тенденция к её сближению с восстанавливающей свою мощь и влияние Россией. На протяжении последних 15 лет сотрудничество Российской Федерации с КНР неуклонно углублялось, вплоть до активного взаимодействия двух государств в области безопасности, а также координации их позиций в тех вопросах мировой политики, где той или другой стороне приходится сталкиваться с активным противодействием со стороны Запада. В настоящее время Российская Федерация и КНР характеризуют свои отношения как всеобъемлющее стратегическое партнёрство¹.

Во-вторых, фрагментация расположенного к северо-западу от границы КНР геополитического пространства, когда вместо единого Советского Союза здесь возникли целых пять несравнимых с ним по мощи и к тому же внутренне не очень стабильных центрально-азиатских государств (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан), привела к тому, что перед китайцами вдруг открылось ещё одно перспективное направление экспансии, чрезвычайно привлекательное как в силу огромных природных богатств этого региона, так и в силу того, что, непосредственно примыкая к территории КНР, оно представляет собой как бы естественное расширение её хозяйственной

¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия 4 июля 2017 г. // URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5218> [Дата посещения: 27.01.2019].

территории. Ныне это направление, пожалуй, становится по крайней мере вторым по значению после Юго-Восточной Азии. Здесь, однако, продвижение китайского влияния наталкивается на другие, пустившие глубокие корни, влияния, в том числе – на многовековые исламские традиции и этническую солидарность (в большинстве стран Центральной Азии основную массу населения составляют тюркоязычные народы, достаточно восприимчивые к идеологии пантюркизма и к тому же родственные оппозиционным ханьскому доминированию уйгурам из Синьцзян-Уйгурского автономного района). Не следует сбрасывать со счёта и давние культурно-политические и экономические связи с Россией, в особенности сильные в Казахстане и Кыргызстане.

Понятно, что и на российском, и на центрально-азиатском направлениях внешней политики Китая «мягкая сила» приобретает особенно большое значение. Стратегия её использования включает в себя практически весь набор стандартных мер: например, создание институтов и классов Конфуция, организация культурных и образовательных обменов и др.). В то же время эта стратегия профилируется с учётом особенностей отдельных стран, и потому стандартная основа в ряде случаев дополняется специфическими и даже уникальными элементами. В особенности это касается России, которая в силу своего совокупного технико-экономического и военного потенциала, геополитического положения и международного статуса, а также особенностей своего культурного и исторического наследия, занимает среди внешнеполитических партнёров КНР совершенно особое место. Хотя в чисто экономическом плане взаимодействие со США и странами Запада очевидно имеет для КНР большее значение, чем торговля и совместные проекты со своей северной соседкой, но зато Москва поддерживает Пекин по широкому кругу международных вопросов, в то время как Запад проводит по отношению к нему политику сдерживания.

Прежде всего надо отметить, что Россия является единственным партнёром КНР на постсоветском пространстве, который так же, как и она сама, способен применять «мягкую силу» в глобальном масштабе. При этом возможности России в этом плане примерно равны китайским. Согласно составленному британским агентством Portland Communications глобальному рейтингу «мягкой силы» 2018 г. (с которым, кстати говоря, согласился и Дж. Най), Россия заняла в нём 28-е, а Китай 27-е место [Portland Communication 2018]. И если «мягкая сила» КНР и, допустим, США подобны двум противоположно направленным векторам, то противоречия между Россией и Китаем в этом плане имеют достаточно локальный характер (например, они конкурируют между собой за влияние в Центральной Азии). В целом же «мягкая сила» России и Китая построены на близких друг другу концептуальных основаниях. В частности, и Россия, и Китай поддерживают идею многополярного мира, выступают против попыток военно-политических структур Запада, в особенности НАТО, подменять собой ООН, не считают так называемые «западные ценности» чем-то универ-

сальным, и т. д. Поэтому параллельное наращивание «мягкой силы» России и Китая может создавать некий перекрёстный синергетический эффект, увеличивая соответствующий потенциал обеих держав. Это касается, например, совместной разработки истории Второй мировой войны и пропаганды российской и китайской точек зрения на события 1930–40-х гг. в противовес предпринимающимся в последнее время на Западе попыткам приписать себе главную роль в победе над германским нацизмом и японским милитаризмом.

Создавая поле контактов между российской и китайской гуманитарными средами, китайцы в трудное для России время (1990–2000-е гг.) финансировали поездки российских историков, философов и социологов на различные совместные научные мероприятия в КНР, окружали их вниманием и предупредительностью, обеспечивая намного лучшие условия проживания, чем при аналогичных поездках предоставляла Европа, а также предлагали широкие возможности для знакомства со страной и её культурой. Кстати говоря, один из важнейших инструментов китайской «мягкой силы» – глобальная сеть институтов Конфуция первоначально задумывалась именно для Центральной Азии, постсоветского пространства и Восточной Европы и лишь затем распространилась на Запад [Гао Вэньцзин 2015]. В России она выстраивается с 2005 г., а на сегодняшний день здесь функционирует 22 Института Конфуция – это многократно меньше, чем в США и Великобритании, но больше, чем в Германии и во Франции (по 18) или в Японии (20). Безусловно, россияне оценили и заявление МИД КНР, осуждающее принятые Конгрессом США в июле 2017 г. санкции против России, КНДР и Ирана.

Используя «мягкую силу» в своих взаимодействиях с Россией (а в последнее время также и с её ближайшим союзником – Республикой Беларусь), Пекин стремится не столько к осуществлению политико-психологического сопровождения каких-то выгодных для него проектов (что, разумеется, тоже не исключается, но всё же не столь важно), сколько к тому, чтобы сформировать у граждан государства-партнёра ощущение надёжной дружественной опоры. Речь может даже идти об укоренении в массовом сознании своего рода привычки оглядываться на Китай, не привязанной к конкретным политическим ситуациям, но тем не менее постоянно присутствующей в политической жизни в форме психологически устойчивого стереотипа. Данная цель обеспечивается, с одной стороны, осторожной, но вместе с тем и недвусмысленной поддержкой независимого внешнеполитического курса России по отношению к Западу, не дающей этому последнему возможности её изолировать (достаточно напомнить хотя бы о таких символических жестах, как участие Си Цзинпина в бойкотировавшихся Западом мероприятиях по поводу 70-летия Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне или участие китайских кораблей в праздновании Дня Военно-морского флота в 2017 г.), а с другой стороны – демонстрацией уважения к тому, что объединило две страны в XX в. На фоне раз-

горающейся в Польше, странах Прибалтики, а теперь уже и на Украине «войны памятников» вызывает чувство признательности образцовая забота китайцев о советских воинских мемориалах. Хотя нелишне обратить внимание и на появление в некоторых китайских СМИ (особенно на интернет-порталах) довольно заносчивых по тону публикаций с настояживающим рефреном на тему «Гордая Россия начала кланяться», где с разных сторон обсуждается тема отставания России в экономическом росте и перспективы её возрастающей зависимости от КНР.

В соответствии с межправительственными договоренностями двух стран, 2007 г. в России был объявлен годом Китая. В его рамках была проведена целая серия мероприятий по линии экономического и научно-технического сотрудничества, а также грандиозный фестиваль китайской культуры, охвативший свыше 30 российских городов. Такого представительства китайской культуры в России не было даже в лучший период советско-китайской дружбы. Большой успех имели годы русского и китайского языков (2009–10), а также год российского туризма в Китае (2012) и китайского туризма в России. В последнее время КНР в среднем ежегодно посещают 1,2–1,3 млн российских туристов и примерно столько же китайских туристов приезжают в Россию¹. С 2009 г. ведётся трансляция на Российскую Федерацию передач центрального телевидения КНР–ССТV на русском языке (программы российского канала также доступны в КНР). Благодаря всему этому взаимная информированность россиян и китайцев в последние годы существенно возросла.

Об эффективности влияния китайской «мягкой силы» на российское общество можно судить по сравнительной динамике эмоционального восприятия КНР и других стран мира. В 1990-е гг. взоры россиян были целиком и полностью прикованы к Западу, а страны Востока не вызывали у них ни особого интереса, ни симпатий, но после 2001 г. ситуация начала быстро изменяться. Если не считать близких союзников России из числа бывших советских республик, то, по данным социологических исследований, лучше всего в настоящее время россияне относятся именно к Китаю (а также к Индии). Осенью 2014 г. примерно 64% опрошенных россиян отмечали, что испытывают к этим двум странам позитивные чувства, тогда как доля отрицательных ответов по Китаю составила всего 14%. В то же время уровень симпатий к Франции составлял лишь 57%, к Великобритании 46%, Германии – 44%. Уступает Китаю в глазах россиян и Япония (уровень симпатий – 55%). Но хуже всего наши сограждане воспринимают «патентованного» обладателя «мягкой силы» – США. В этом случае доля благожелательных ответов падает до 14%, тогда как доля негативных поднимается до 68% [Российское общество... 2015: 304].

¹ Межгосударственные отношения России и Китая. Справка // РИА Новости. 04.09.2016. URL: <https://ria.ru/spravka/20160904/1475893374.html> [Дата посещения: 27.01.2019].

Таким образом, методами «мягкой силы» удалось создать для российско-китайского стратегического партнёрства солидный фундамент общественной поддержки, который, несомненно, придаёт ему дополнительную устойчивость. Во многом благодаря этому возрастал уровень взаимного доверия, что помогло, с одной стороны, приглушить беспокойство россиян по поводу миграции китайцев в районы Дальнего Востока и Сибири, а с другой – без каких-либо эксцессов развязать некоторые болезненные узлы российско-китайских отношений, в частности провести в 2005 г. демаркацию границы между Российской Федерацией и КНР по Амуру, ликвидировав благодаря этому застарелый очаг напряжённости между двумя странами. Как известно, КНР получила при этом примерно 337 кв. км. спорной территории (острова Тарабарова, Большой Уссурийский и др.). Но, хотя данное решение подвергалось в России достаточно серьёзной критике, на фоне растущих симпатий к КНР удалось без особого труда убедить общественность в том, что стратегическое партнёрство с Китаем намного ценнее того, что мы ему уступили. Некоторые политические организации (в первую очередь – Хабаровский краевой комитет КПРФ) попытались организовать в знак несогласия протестные митинги, но они получились немногочисленными и быстро прекратились, а 20 мая 2005 г. Государственная Дума ратифицировала соглашения о демаркации границы значительным большинством голосов (307 против 80).

Но дело, безусловно, не только и не столько в материальных приобретениях, сколько в преимуществах взаимной поддержки и координации. КНР и Россия достаточно успешно взаимодействуют в форматах ШОС и БРИКС. В ряде случаев они совместно блокировали в ООН принятие инициированных странами Запада односторонних резолюций и других документов (например, по ситуации в Сирии и проблеме соблюдения прав человека в КНДР). Благожелательная позиция России облегчает Пекину сотрудничество с другими странами СНГ, а также проникновение в регион Арктики, ресурсы которой всё больше интересуют наших китайских партнёров. Но главное, что формирование тандема РФ–КНР помогает Китаю прочно утвердиться в статусе глобальной державы, чего очень не хочет Запад, который предпочёл бы ограничить китайские амбиции региональным масштабом и с этой целью уже начинает проводить по отношению к Пекину политику сдерживания. В то же время, как отмечается в публикациях многих экспертов, стратегическую ценность России для китайского руководства не следует переоценивать, она имеет свои пределы, в том числе по вопросам Украины, Крыма, инвестиционного сотрудничества, непризнанных республик Закавказья (Абхазии и Южной Осетии), а в ряде случаев и по сирийской проблеме [Виноградов 2016]. Пока не очень понятно и место России в грандиозном китайском проекте «Один пояс – один путь», который Москва тем не менее поддерживает, рассчитывая на то, что российские трансконтинентальные транспортные коридоры станут важнейшей составной частью новой системы международных экономических транзитов.

Государства Центральной Азии, даже вместе взятые, не имеют политического, экономического, технологического и военного потенциала, сопоставимого с российским, но они богаты необходимыми для китайской экономики природными ресурсами. Кроме того, данный регион занимает важное стратегическое положение – с одной стороны, через него пролегают транзитные пути на запад, вплоть до Европы, а с другой – он представляет собой как бы расположенную у самых границ КНР «подушку безопасности», отделяя Поднебесную от беспокойного исламского мира. Поэтому приоритеты в отношениях с государствами Центральной Азии в КНР расставляются иначе, чем с Россией: сотрудничество в рамках реализации концепции многополярного миропорядка в данном случае не столь актуально, на первом же месте стоит создание условий для китайских инвестиций, а также вовлечение этих стран в эффективную систему безопасности, в рамках которой КНР сможет оперативно парировать возможные угрозы, если они здесь возникнут. Тем не менее, даже если этот регион и занимает в китайской политике «мягкой силы» несколько более скромное место, чем Россия, то, во всяком случае, он требует не меньшего внимания. Китайские аналитики прекрасно понимают, что за влияние в Центральной Азии разворачивается конкурентная борьба. Один из самых сильных участников этой борьбы – США, начавшие было создавать в Центральной Азии свои военные базы, но, видимо, в последние годы удалось их оттуда вытеснить. Однако остаются ещё ЕС и Россия, чьё «мягкое влияние» Китаю приходится уравнивать.

В качестве имеющего определённую эвристическую ценность косвенного критерия оценки интенсивности использования Китаем «мягкой силы» на том или ином направлении его внешней политики, на наш взгляд, можно использовать статистические данные по сети институтов Конфуция, а также по количеству ежегодно принимаемых китайскими вузами студентов из той или иной страны. В этой связи надо обратить внимание на плотность сети институтов и классов Конфуция, созданных в постсоветских государствах Центральной Азии. Здесь их в общей сложности примерно столько же, сколько в России. Любопытно, однако, что 80% этих учреждений сконцентрировано в Кыргызстане – одной из самых маленьких стран региона с населением всего 6 млн чел. Разумеется, причины такой неравномерности могут быть довольно разными, но очевидно, что приведённая цифра не могла получиться случайно, она отражает как позицию принимающей стороны, так и значение, которое Кыргызстану придают в Пекине (возможно, как наиболее податливому партнёру). В то же время по числу студентов из Центральной Азии, обучающихся в КНР, лидирует Казахстан; в 2015 г. он занял по данному показателю 8-е место в мире, лишь сравнительно немного уступив занявшей 5-е место России (16197 студентов против 13198) и значительно опередив такие тесно связанные с КНР страны Индокитая, как Вьетнам, Лаос и Малайзия (10031, 6918 и 6650 обучающихся соответственно) [Арефьев, Любская 2017].

Поскольку, несмотря на значительные природные ресурсы, государства Центральной Азии располагают весьма ограниченным экономическим потенциалом, а некоторые из них просто-напросто очень бедны (например, в Таджикистане и Кыргызстане душевой ВВП составляет менее 100 долл. в год), Китай добивается расположения местных обществ прежде всего экономическими средствами, финансируя имеющие для них жизненно важное значение промышленные, инфраструктурные и социальные проекты и оказывая содействие в подготовке кадров. При этом он (а иногда и *только* он) способен инициировать осуществление таких проектов, которые ни по своей стоимости, ни территориально «не вмещаются» в рамки хилых национальных экономик. В качестве примера назовём хотя бы строительство железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан или газопровод Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай. При этом Пекину нередко приходится одновременно принимать на себя роль политического посредника, координирующего и согласовывающего интересы своих партнёров и предотвращающего их конфликты. При этом он нередко проявляет огромную выдержку, терпение и гибкость, на которые, возможно, способны только китайцы. Так, в процессе проработки проекта вышеупомянутой железной дороги президент Кыргызстана А. Атамбаев неожиданно коренным образом менял свои решения и подходы, но китайские переговорщики восприняли это спокойно и тут же предложили сторонам рассмотреть альтернативные варианты. Другой пример – строительство Зеравшанской ГЭС на границе Узбекистана и Таджикистана. Китай первоначально хотел участвовать в этом проекте, однако, когда понял, что его реализация сопряжена с противоречиями между Ташкентом и Душанбе, вышел из него, чтобы не провоцировать углубление конфликта. Однако вышел не просто так, а предложил Таджикистану в порядке компенсации помощь в осуществлении других важных для него проектов, предоставив для этого кредит в размере \$ 1 млрд¹. Так китайцы создают себе образ Незаменимого Покровителя, и приучают как население, так и местные элиты к тому, что он вправе выступать в этом регионе в роли арбитра. Реализуя эти подходы, китайцы прибегают не только к двусторонней, но и к многосторонней дипломатии в рамках существующих институциональных возможностей. В частности, они активно используют ШОС в качестве публичной площадки для презентации китайских кредитных предложений [Страны СНГ... 2013: 88].

Разумеется, китайский язык и культура также не остаются в стороне. Более того, похоже, что китайцы подспудно проводят здесь линию на китаизацию, которая в России или, допустим, в Беларуси была бы совершенно немыслимой и не дала бы никаких результатов. При этом они действуют очень гибко, учитывая ментальность населения, его традиции, почти полное отсутствие здесь интеллектуалов европей-

¹ Изимов Р. 2014. «Мягкая сила» Китая – на прицеле Центральная Азия // Информационное агентство «Регнум». 28.01.2014. URL: <https://regnum.ru/news/1759411.html> [Дата посещения: 27.01.2019].

ского типа (и, следовательно, соответствующих интересов). В связи с этим в странах Центральной Азии особый акцент делается на структуры повседневности, на популяризацию китайского образа жизни на уровне бытовых привычек и традиций. Характерный пример этого – введённый в открытых здесь Институтах Конфуция учебный курс «Китай на кончике языка», цель которого – содействие распространению китайской культуры посредством обучения китайскому кулинарному искусству¹. Небезынтересно в этой связи отметить, что популяризируются именно ханьские культурные традиции, но не традиции живущих в КНР и родственного населению Центральной Азии тюркских народов.

При всём том китайцы очень прагматичны, и, если им предоставляется возможность приобрести что-то осязаемое, они сделают это, не оглядываясь на задачи культивирования и наращивания «мягкой силы». Например, в 1999 г. в ходе урегулирования пограничных споров к КНР отошло 407 кв. км. территории Казахстана и 200 кв. км. Таджикистана. В 2011 г. Таджикистан вновь передал Китаю 1,1 тыс. кв. км. а в 2013 г., по данным таджикской оппозиции, КНР получила от Душанбе в счёт внешнего долга ещё один богатый полезными ископаемыми участок Горно-Бадахшанской области на Памире (хотя ни таджикские, ни китайские официальные лица этой информации не подтвердили). При этом китайский капитал всё шире внедряется в экономику государств Центральной Азии, в особенности в стратегически важных отраслях, таких как разработка месторождений нефти и газа, добыча урановых руд и руд цветных металлов, энергетика, транспорт, коммуникации и др. Общий счёт китайских фирм и предприятий, действующих в регионе, идёт уже на сотни, а вот казахских, узбекских, киргизских компаний в Китае практически нет. И хотя, реализуя совместно со странами Центральной Азии целый ряд важных для них программ, Китай несомненно способствует ускорению развития этого региона, ни от экспертов, ни от общественности не укрылась также и обратная сторона этого сотрудничества – тенденция к переносу в Центральную Азию экологически вредных и низко рентабельных производств. К тому же вместе с китайскими капиталами и проектами появились китайские рабочие, а вслед за ними и торговцы, которые, как жалуются местные жители, стали вытеснять их с колоритных восточных базаров (в особенности, в приграничной полосе).

Всё вышесказанное создало почву для нервозности и подозрительности, которая время от времени выплёскивалась в СМИ и публикациях отдельных политологов и историков. В массовом сознании стал формироваться стереотип «китайцы всё скупили». В 2015 г. в связи с принятием поправок к Земельному кодексу Казахстана, разрешавших иностранцам приобретать сельхозугодья на аукционах, в стране произошли массовые волнения, вызванные беспокойством по поводу того,

¹ Изимов Р. 2014. «Мягкая сила» Китая – на прицеле Центральная Азия // Информационное агентство «Регнум». 28.01.2014. URL: <https://regnum.ru/news/1759411.html> [Дата посещения: 27.01.2019].

что теперь исконные казахские земли на вполне законном основании отойдут к новым хозяевам-китайцам. При этом опасения высказывались не только по поводу перспектив экономического и даже политического подчинения государств Центральной Азии Китаю, но и по поводу утраты народами региона своей идентичности. Некоторые китаеведы сочли уместным напомнить в этой связи о старой китайской стратегаеме «из гостя превратиться в хозяина» [Денисов 2015: 52].

Надо сказать, что такого рода настроения не составляют для китайцев большого секрета. Так, среди населения Казахстана, как откровенно в личной беседе признавал один из китайских политологов, уровень доверия к Китаю невысок; влияние Китая в этой стране непрерывно растёт, но чиновники и население смотрят на это косо, причём их недоверие непрерывно усиливается. Тем не менее в последние годы в интеллектуальных кругах государств Центральной Азии не без содействия КНР проявила себя группа экспертов и аналитиков, доказывающих объективную необходимость тесного сотрудничества с Китаем в процессе модернизации экономик Центральной Азии и предлагающих активнее идти ему навстречу (А. Каукенов, М. Шибутов и др.). Ими, в частности, была высказана идея формирования в Казахстане среды *China friendly* (идея изначально была подсказана туристическими программами, реализуемыми в Москве и Петербурге, но применительно к казахстанским реалиям она получила несколько более широкое значение). В то же время даже благожелательно воспринимающие экономическую и культурную экспансию Китая политологи хотели бы по возможности её уравновесить. В этой связи они с сожалением говорят о «коммуникационном разрыве» между Россией и странами Центральной Азии (в частности, с самым близким союзником Москвы в этом регионе – Казахстаном). Некоторые российские и казахские аналитики выдвинули, на наш взгляд, весьма здравую мысль о том, что постсоветским странам надо создавать механизмы выработки общей позиции в вопросах сотрудничества с Китаем, в том числе привлекая к этому экспертное сообщество¹.

Как видим, продвижение позитивного образа Китая в политическом и культурном пространствах стран его ближайшего геополитического окружения наталкивается на определённые психологические барьеры, имеющие весьма глубокие исторические корни и социальный опыт народов, взаимодействующих с Поднебесной. Однако терпеливое использование методов «мягкой силы» в конечном счёте даёт достаточно значимый для Пекина эффект. И дело не только в создании социально-политических условий для простого расширения территориально-ресурсной базы быстрорастущей экономики Китая, но и в молчаливой поддержке претензий КНР на роль модератора и арбитра, способного гармонизировать окружающее его пространство, снимая накапливаю-

¹ Казахстан и Россия должны действовать сообща во взаимоотношениях с Китаем // ИА «Интерфакс». 06.06.2017. URL: <http://interfax-russia.ru/Moscow/news.asp?id=838713> [Дата посещения: 27.01.2019].

щиеся в нём противоречия и конфликты, а в дальнейшем, видимо, и на роль мирового лидера. Во всяком случае, без такой поддержки вряд ли могла бы состояться идея международного мегапроекта по возрождению Великого шёлкового пути («Один пояс – один путь»), которую специалисты по международным отношениям не без оснований рассматривают как важнейший шаг к интеграции Большой Евразии.

В данном мегапроекте, естественным образом отсылающем нас к геополитическому концепту хартленда как ключевого элемента архитектуры глобального мира, главная роль без обсуждения отходит к его «учредителю» Китаю. Отныне участие в воссоздании Великого шёлкового пути, подключение к данному проекту на практике становится неким эвфемизмом для заключения инвестиционных, кредитных, а иногда, вероятно, и политических сделок с китайской стороной [Ларин 2015: 56]. На этот счёт у реалистически мыслящего политика вряд ли могут возникнуть какие-то сомнения. Но вместе с тем создание Нового шёлкового пути в политической риторике КНР принципиально отделяется от целеполагания и инструментария глобальной гегемонии. Оно позиционируется как своего рода «общее дело», осуществляемое объединившимися вокруг данного проекта странами и народами в интересах всего человечества. Речь идёт о формировании новой, соответствующей реалиям и потребностям XXI в. и в то же время подходящей всем членам международного сообщества модели сотрудничества ради совместного процветания. При такой трактовке идея возрождённого Великого шёлкового пути становится инновационной находкой, способствующей укреплению «мягкой силы» Китая как *мирового лидера нового типа*. А любое упоминание о Шёлковом пути уже по простой логике смысловых ассоциаций является также отсылкой к Китаю, выступающему в образе ответственной и динамичной державы, действующей в интересах всех своих партнёров по принципу «общего выигрыша».

Библиографический список

Арефьев А. Л., Любская К. А. 2017. Российские студенты в Китае // Демоскоп Weekly. № 715–716. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0715/tema01.php> [Дата посещения: 27.01.2019].

Виноградов А. О. 2016. РФ – КНР: состояние и перспективы двусторонних отношений. Китай в мировой и региональной политике // История и современность. Т. 21. № 21. С. 47–61.

Гао Вэньцзин. 2015. Институты Конфуция в мире // Гуманитарные научные исследования. № 6. URL: <http://human.snauka.ru/2015/06/11485> [Дата посещения: 27.01.2019].

Денисов И. 2015. Шелковая безопасность: новая китайская концепция развития и правила игры в Евразии // Индекс безопасности. Т. 21. № 3 (114). С. 51–60.

Ларин А. Г. 2015. «Экономический пояс Шелкового пути»: экономическое содержание, структура, идеология // Новый шелковый путь и его значение для России [Сб. статей] / Под ред. В. Петровского. М.: Институт Дальнего Востока. С. 38–57.

Най Дж. С. 2006. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск: Тренды. 221 с.

Российское общество и вызовы времени. Кн. 1. / Под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь мир, 2015. 336 с.

Страны СНГ и Балтии в глобальной политике Китая. М.: РИСИ, 2013. 166 с.

Portland Communications. A Global Ranking of Soft Power 2018 // URL: <https://softpower30.com/> [Дата посещения: 27.01.2019].

DOI: 10.19181/vis.2019.29.2.578

China's "Soft Power" and its Projection onto the Territory of Post-Soviet Eurasia

Ivan A. Andreev

National Research University "Moscow Power Engineering Institute", Moscow, Russia. E-mail: v-andreev_07@mail.ru

For citation: Andreev, I. A. China's "soft power" and its projection onto the territory of post-Soviet Eurasia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 90–106. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.578>

Abstract. This article considers the use of "soft power" as an instrument of China's political strategy. Within the context of the issue of combining forms of international political influence, the notion of "soft power" is unveiled as interpreted by its author – American political expert J. Nye – while analyzing the adaptation of said notion to Peking's political strategy, which in turn is associated with China's rise to the position of global superpower number 2. Highlighted is the fact that this notion is attune to China's centuries-old political tradition, as well as Peking's current objective to relieve its neighbors traditional unease on account of a possible threat on their behalf, due both to the sheer size of the country, with its population of almost 1.5 billion people, and its relatively recent aggressive behavior during the time of Maoism. The article gives a characteristic of the main instruments used to implement the Chinese strategy of "soft" influence, particularly broadening the network of Confucius institutes and classes, taking advantage of hosting high-profile international events, education in China's educational facilities, establishing control over certain global media corporations etc. Especially considered is the use of "soft power" in China's collaboration with post-Soviet states, primarily with Russia and republics of central Asia. Demonstrated are features of the political context of Peking's use of "soft power" on post-Soviet territory, highlighted among which is a rather strong prejudice against China in countries of central Asia, as well as the need to achieve a friendlier relationship with the Russian Federation, which in turn possesses "soft power" potential comparable to China, and also strives to play a leading role on post-Soviet territory. Based on the analysis conducted, the author comes to the conclusion that "soft power" methods were able to solidify a strong foundation of public support for a strategic partnership between Russia and China. This in no small part helped in gradually increasing the level of mutual trust throughout the last decade, which, on one hand, helped calm Russian people's anxiety on account of Chinese migration to regions of the Far East and Siberia, and on the other – without any serious incidents lighten certain delicate aspects of Russian-Chinese relations which had emerged in the past.

Keywords: political influence, political trust, "soft" power, the post-Soviet space, Russian-Chinese relations.

References

Arefiev A. L., Lyubskaya K. A. Russian students in China. *Demoskop Weekly*. 2017: 715–716. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0715/tema01.php> [accessed: 14.04.2019] (In Russ.).

Asanbekov M. K. Involving Central Asia in Chinese civilization is not a new, but a project of China postponed in the past. *Vremya Vostoka = Time of the East*; release 04.09.2013. URL: <http://www.easttime.ru/analytics/tsentralnaya-aziya/vovlechenie-tsentralnoi-azii-v-kitaiskuyu-tsvivilizatsiyu-ne-novyj-otloz> (In Russ.).

- CIS and Baltic countries in China's global politics. Moscow: RISI, 2013. 166 p. (In Russ.).
- Denisov I. Silk security: a new Chinese concept of development and the rules of the game in Eurasia. Indeks bezopasnosti = Security Index. 2015; 21(3):51–60 (In Russ.)
- Gao Wen Jing. Confucius Institutes in the world. Gumanitarnye issledovaniya = Humanitarian Studies. 2015; 6. URL: <http://human.snauka.ru/2015/06/11485> [accessed: 14.04.2019] (In Russ.)
- Izimov R. “Soft Power” of China – at the sight of Central Asia. IA “Regnum” web portal. Release 01.28.2014. URL: <https://regnum.ru/news/1759411.html> [accessed: 14.04.2019] (In Russ.).
- Larin A. G. “The Economic Belt of the Silk Road”: economic content, structure, ideology. The New “Silk Road” and its meaning to Russia. Ed. by V. Petrovsky. Moscow: IFE RAS publ., 2015: 38–57 (In Russ.).
- Nay J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. Novosibirsk: Trendy, 2006. 221 p. (In Russ.).
- Russian society and the challenges of time. Volume 1. Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov. Moscow: Ves' mir, 2015. 304 p. (In Russ.).
- Vinogradov A. O. RF – PRC: state and prospects of bilateral relations. China in the Global and Regional Policy. Istoriya I Sovremennost` = History and Modernity. 2016; 21(21):47–61 (In Russ.).
- Portland Communications. A Global Ranking of Soft Power 2018 website. URL: <https://softpower30.com> [accessed: 14.04.2019].